

УДК 821(73)-82-3«18/19»

UDC 821(73)-82-3«18/19»

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДРУГОГО
В АМЕРИКАНСКОЙ
ГОТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX вв.****REPRESENTATION OF THE OTHER
IN AMERICAN GOTHIC PROSE
OF THE 19th – THE FIRST THIRD
OF THE 20th CENTURY****Е. В. Тарасова,***кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка***Ye. Tarasova,***PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Foreign Languages,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank*

Поступила в редакцию 07.10.22.

Received on 07.10.22.

Готическая литература проявляет большой интерес к природе страха, его воздействию на психику человека, на душевные и духовные сферы деятельности личности. Зачастую страх приобретает физическую оболочку и воплощается в Другом. Эволюция монструозной сущности, ее многообразные воплощения в художественной литературе свидетельствуют об актуальности проблемы страхов человечества перед неизведанным, необъяснимым, непознанным чужим. В проблеме Свой – Чужой актуализирован важный нравственный аспект, затрагивающий гендерные, культурные, национальные, психологические различия. Значение феномена монструозного состоит в обогащении и усложнении картины мироздания и не сводится к дихотомии человек / животное.

Ключевые слова: готическая литература, американская готика, Свой – Чужой, монстр, психологизм, Э. А. По, Н. Готорн, А. Бирс, Г. Ф. Лавкафт.

The gothic literature shows great interest to the nature of fear, its impact on the human psyche, on the soul and spiritual spheres of a person's activity. Often fear obtains a physical shell and embodies itself in the Other. The evolution of monstrous essence, its diverse embodiments in fiction literature testify the relevance of the problem of human fears of the unknown, inexplicable, unrecognized alien. In the problem of the Native – the Other, an important moral aspect is accumulated which concerns gender, cultural, national, psychological differences. The meaning of the phenomenon of the monstrous consists in enrichment and complication of the worldview and is not limited by the dichotomy human / animal.

Keywords: gothic literature, American gothic, the Native – the Other, monster, psychologism, E. A. Poe, N. Hawthorne, A. Bierce, H. P. Lovecraft.

Готический роман, зародившийся в Англии в XVIII в., прошел долгий путь развития – от произведений со стилизацией средневекового прошлого до литературы об ирреальном и загадочном. Иррациональным явлениям писатели стали уделять особое внимание, сверхъестественный и фантастический элементы приобретают новую функцию в повествовании, трансформируется сама природа фантастического. Как справедливо отмечает Б. Р. Напцок, «оно [сверхъестественное] начинает выполнять в повествовании не провиденциальную, а устрашающую функцию, оно становится воплощением Зла – непостижимого, загадочного, опасного – и изображается как принципиально чуждое человеку «ирреальное» начало. Тем самым «готический» роман моделирует ситуацию встречи человеческого Я с Абсолютно Иным, которое безмерно превосходит и подавляет личность человека – и в то же время внушает

ей чувство, близкое к священному трепету, к благоговейному страху, чувство почти что религиозного восторга и преклонения перед непостижимым величием высших сил» [1]. Отличительной чертой готической прозы выступает ощущение именно страха, который испытывает герой, а вместе с ним и читатель.

Тема смерти является основополагающей для готической литературы, так как смерть всегда окутана пеленой таинственности. Человека всех времен интересовал вопрос конечности жизни и существования загробного царства, поэтому он строит свою концепцию мира, видимого и осязаемого, и мира чужого, скрытого от глаз и недоступного постижению разумом. Такое противопоставление ведет к появлению оппозиции Я–Другой. Столкновение с Другим, Чужим побуждает к анализу неведомых прежде чувств, а также может вызывать психологическую трансформацию личности, поэтому оппозиция Свой – Чужой

не могла не воплотиться в готической литературе, где страх и ужас вызывают присутствием непонятного, угрожающего жизни героев, страх зачастую облачается в физическую форму чудовища, монстра.

Готические чудовища являются явным нарушением законов природы и общества и вызывают страх. Монстром в художественной литературе может быть представлен обличенный в физическую форму моральный порок. Тело этого существа олицетворяет страх, тревожные фантазии. Явные законы природы, установленные наукой, нарушаются в причудливом строении тела чудовища. Монстр зачастую содержит в себе несоединимое, он сопротивляется любой классификации, построенной на иерархии или общепринятой бинарной оппозиции, требуя вместо этого «систему», допускающую полифонию, соединение несоединимого (различие в одинаковости, отталкивание в притяжении). «Перед лицом монстра научное исследование и его упорядоченная рациональность рушатся» [2], – констатирует Дж. Коэн. Очевидно, что монструозное слишком велико и противоречиво, чтобы его можно было поместить в какую-либо концептуальную систему; само существование чудовища нарушает все границы науки.

Вопрос, где заканчивается «монстр» и начинается «человек», ставят не только философия, психология, но и литература. Особенно он актуален в эпоху, когда все сферы человеческой жизни подвергаются трансформации и гибридизации со стороны науки и техники. Во времена социальных потрясений интеграция технологий и их применение часто воспринимается как угроза целостности человека и эмоциональным отношениям между людьми. Таким образом, фигура монстра, как правило, применяется для определения статуса «человека» как с точки зрения внешнего вида, так и с точки зрения его этического выбора или действия.

Использование монстра–Другого в качестве метафоры позволяет писателям и ученым исследовать социальные, интеллектуальные проблемы: монстры олицетворяют страх или волнение, а чудовищность может представлять собой аморальное или неконтролируемое поведение. Границы между категориями Человек – Монстр подвижны.

Специфика репрезентации Чужого в литературе США связана с историей и культурой молодой нации, а также с ее литературными тенденциями того времени. Первоисточником

сюжетов для эмигрантов, гонимых из Европы охотой на ведьм и религиозными войнами, социально-бытовыми трудностями, служила новая среда, которую им предстояло осваивать, и влияние европейского готического романа. Первые поселенцы на новом континенте, несомненно, испытывали ужас перед существами европейского фольклора (вампиры, оборотни и другая нечисть), однако и природа Новой Англии, и индейцы, чьи духовные практики пуритане приравнивали к сатанинским, вызывали не меньший ужас. Как полагает американский исследователь Фэй Рингел, «Фигура Нового Адама, так любимая американцами, в Новой Англии превращается в фигуру американского Фауста» [3]. Пуритане боялись, что, совершив фаустовскую сделку с дьяволом (мотив сделки с дьяволом встречается в произведениях В. Ирвинга, Н. Готорна, М. Твена), они прибыли не в Новый Иерусалим, а в царство Сатаны.

Существование монстров неизбежно ставит вопрос о Боге, о Добре и Зле. С течением времени в поздних работах американских авторов образ индейца трактуется как «благородный дикарь» (Дж. Ф. Купер, Г. Лонгфелло), однако восприятие индейца как Чужого и непонятного подчеркивает культурную разницу и страх перед Другим, неизвестным.

Пуританская Новая Англия, как в свое время Европа средневекового периода, стала своеобразной точкой отправления для готической традиции США. Молодая американская нация вступила в эпоху романтизма, опираясь на европейские литературные образцы. Ярким представителем готической прозы в США по праву считается Чарльз Брокден Браун (1771–1810) (романы «Виланд», «Эдгар Хантли»). Следует отметить, что из американского готического романа готика постепенно приходит в жанр новеллы. Например, в творчестве Э. А. По (1809–1849) нашли отражение жанровые и эстетические элементы готического романа, правда, они подверглись существенной трансформации (писатель избавлялся от средневековых декораций и переносил ужас в психологическую сферу). Причины такого пристального изучения Э. А. По глубин человеческой души лежат в исторических и социальных особенностях развития США. Американский литературовед Фредерик Франк отмечает, что «в то время как английская готика имела дело с физическим страхом и социальным аспектом ужаса, американская готика сосредоточилась на психическом страхе и моральном ужасе» [4, с. 8].

Феномен двойничества также способствовал формированию представлений о монструозной сущности. Мотив «темного двойника» занимает важное место в творчестве Э. А. По. Представление человека о самом себе формируется через его общение с другими, поэтому Я человека не статично, а динамично. Архетип двойника возник еще в архаическом мифе, его корни присутствуют в «близнечных мифах», в которых один из близнецов олицетворяет все доброе, другой же выступает полной противоположностью, таким образом между близнецами возникает соперничество (например, Гор и Сет, Ромул и Рем и др.).

У Э. А. По тема раздвоения сознания наблюдается, например, в произведениях «Вильям Вильсон», «Черный кот» и др. Так, развязка в рассказе «Вильям Вильсон» наступает в час убийства соперника на дуэли, где обнаруживается их двойственная сущность: «Ты победил, и я покоряюсь. Однако отныне ты тоже мертв – ты погиб для мира, для небес, для надежды! Мною ты был жив, а убив меня, – взгляни на этот облик, ведь это ты, – ты бесповоротно погубил самого себя!» [5, с. 37]. Мир внешний и мир внутренний сливаются воедино, фигура двойника оказывается отражением внутреннего Я, порождением воспаленного сознания персонажа Вильяма. Отождествление себя с двойником и в то же время отрицание этого факта порождают в герое чувство неполноценности своего Я, его раздвоенности, подмены своего Я чужим. Таким образом, в зловещем Другом воплощаются некоторые пугающие стороны человеческой природы, с которыми необходимо бороться и уничтожать.

В литературе и культуре представлены различные категории монстров, например, монстр как изобретение человека, как представитель другой культуры (Чужой), как внутренний порок. Чудовищные создания часто ассоциируются с различными болезнями, монстры не обязательно должны иметь устрашающий вид, они пугают потому, что нарушают установленный порядок вещей, им свойственны пограничные состояния: они не живы и не мертвы (привидения, зомби, вампиры) или являются гибридными существами (оборотни, гуманоиды). Некоторые индивиды монстрами не рождаются, а становятся. Монстром может быть любой, кто не соответствует поведенческим нормам общества и физическому облику человека. В свое время в США с чудовищами как посланниками дьявола отождествляли индейцев, которые противопо-

ставлялись общине пуритан. Рабы африканцы, отличавшиеся цветом кожи и традициями, тоже были Чужими. Все, что отличалось от общепринятых норм, считалось неправильным, соответственно – страшным, угрожающим традиционному. Например, у Э. А. По в «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» чужим и враждебным по отношению к героям выступает племя на Южном полюсе.

Во многих рассказах и романах соотечественника Э. По Н. Готорна (1804–1864) присутствует элемент сверхъестественного (рассказы «Септимус Смит», «Легенда старой усадьбы», «Тайна доктора Гримшоу», романы «Дом о семи фронтонах», «Алая буква», «Мраморный фавн»), но не он является главным объектом исследования писателя, сверхъестественное скорее служит фоном для понимания природы человека, его душевных противоречий и нравственных поисков личности. Так, в романе Н. Готорна «Алая буква» грехопадение, с точки зрения пуританского общества, – непростительный изъяс, отчуждающий героев от семьи, друзей и общества. Персонаж Роджер Чиллингуорт – врач, умный и образованный человек. Навязчивая идея мести полностью овладела его разумом, превратив героя из справедливого судьи в безумца и хладнокровного фанатика. Охваченный местью врач деградирует как личность, утрачивает лучшие человеческие качества, присущие не только индивиду, но и врачу. «Человек может превратиться в дьявола, если достаточно долго будет заниматься дьявольскими делами» [6, с. 191], – констатирует писатель.

Образ Роджера Чиллингуорта в романе «Алая буква» – воплощение идеи протестантской нетерпимости. Личные интересы героя стали приоритетными и, согласно им, врач вершит свой суд. Персонаж, чье сердце пропитано ядом ненависти и гордыни, одержимый идеей искоренения зла, обречен, а вот признание собственной греховности всегда очищает и возвышает человека. «Страдания от сознания своей греховности перед другим человеком, по Н. Готорну, очищают человека и возвышают его, ведут к любви, причем взаимной любви к человечеству. Страдания от сознания чужой греховности, в смысле вины человека перед тобой, ведет, когда нет прощения, к деградации, духовной смерти: через ненависть – в ад» [7, с. 96], – пишет В. И. Солодовник. Таким образом, чудовище рождается из непростительных поступков героя.

Следует отметить, что готическая эстетика и готические образы постепенно проникают в произведения, которые не являются собственно готическими. Многие писатели используют иррациональное как художественный прием, литературную условность для выявления и разоблачения не собственно иррационального, а для поднятия животрепещущих проблем, связанных с человеком, обществом, моралью. Так, Н. Готорн в романе «Алая буква» не перенимает всю систему художественных приемов готического стиля, а использует лишь некоторые элементы готической поэтики и отдельные образы, которые служат эмоционально-экспрессивным фоном событий.

В противоположность монстрам, которые являются таковыми, потому что отступили от общепринятых норм и порядков, и которых считают чудовищными из-за их внешнего вида, в литературе существует категория монстров, которые не соответствуют физическому облику человека и представляют собой враждебных по отношению к человечеству существ (дикие животные, мутанты). Их сходство с животными также является источником страха. Животное – это Другой представитель мира, отличного от того, в котором существует человек, и в этом мире действуют законы, не похожие на те, которые человек считает нормой. Животные становятся источником страха в таких рассказах А. Бирса, как «Человек и змея», «Глаза пантеры» и др.

Любое животное является частью природы и, следовательно, Другим по отношению к миру человеческой культуры. Различие животного и человека формировалось по мере выделения последнего из мира природы. В архаических обществах индивид во многом ассоциировал себя с животными, подражал их повадкам. Исследователь мифологии и религии М. Элиаде отмечает: «Многочисленные индоевропейские и тюрко-монгольские племена носили эпонимы хищных зверей (прежде всего волка) и вели свое происхождение от териоморфного мифического предка. Воинские инициации индоевропейцев предполагали ритуальное превращение в волка: парадигматический воин усваивал поведение хищника» [8, с. 23]. Близость человека к природе и животным привела к появлению зоантропоморфных черт героев в разных мифологиях и изобразительном искусстве, а также сакрализации животных во многих культурах (Древняя Греция, Египет). Со временем «жи-

вотное приобрело статус Другого, причем исключенного из окультуренного «человеческого» пространства, что нашло выражение в многочисленных пословицах, поговорках, разговорных выражениях, в которых человеческая жизнь противопоставлялась существованию животного («собачья жизнь»)» [9].

Бурное освоение американского континента и расширение его территориальных границ на запад страны привело к тому, что первопроходцам пришлось столкнуться с непроходимыми лесами и их обитателями. С древнейших времен животные выступали не только источником пищи, но и источником опасности, столкновение с ними могло привести к смерти. Во многие произведения Амброза Бирса (1842–1914?) включает фольклорные мотивы и народные поверья. Творчество писателя пришлось на тот период (вторая половина XIX в.), когда проявился интерес к культуре коренного населения Америки, народным сказкам, легендам, фольклору чернокожего населения. Народные поверья, небылицы, фантастические легенды, истории о привидениях свидетельствуют о существовании самых невероятных существ и неведомых миров. Влияние охотничьих преданий можно обнаружить в рассказах А. Бирса. Например, в рассказе «Глаза пантеры» сходство женщины с хищником вызывает у героя ужас и приводит к трагедии: «...внимание прежде всего приковывали ее глаза: серо-зеленые, длинные, узкие, определить их выражение было невозможно. Но как бы то ни было, они вызывали тревогу. <...> несмотря на кошачью прелесть, глаза ее внушают ему смутный ужас» [10, с. 101–102]. Печальная история одной семьи подана А. Бирсом через призму легенд и преданий времен фронта. Освоение переселенцами новых территорий неизбежно провоцировало столкновение с дикими животными и индейцами. Писателю важно было показать, что страх перед природой и таинственные народные легенды способны породить в воображении героев ужасающие образы и подтолкнуть к трагедии.

В рассказах А. Бирса «Проклятая тварь», «Виноградная лоза на доме», «Хозяин Моксона» намечаются темы (например, тема перемещения человека во времени и пространстве), которые будут подхвачены американским писателем Говардом Филлипсом Лавкрафтом (1890–1937) и английским Гербертом Уэллсом (1866–1946). Стремительное развитие научных знаний привело к тому, что в обществе появлялись новые вопросы,

пугающие и захватывающие одновременно, на которые человек безуспешно пытался дать ответы.

В рассказе А. Бирса «Проклятая тварь» через мотив невидимости поднимается вопрос о границах человеческого знания. Использование художественной литературой таких элементов, как кольца, шапки или плащи-невидимки не является чем-то новым, самые ранние упоминания об этих предметах наблюдаются в греческой и римской мифологии (например, Кольцо Гига, миф о Персее). В эпоху Нового времени идея использования колец, шапок или плащей-невидимок нашла свое отражение в европейских сказках («Двенадцать танцующих принцесс» сказка братьев Гримм). В рассказе «Проклятая тварь» А. Бирс отображает этот страх перед невидимым и направляет его на нечто совершенно неизвестное и чуждое человеку. Призрак из рассказа – потусторонний хищник, вторгающийся в реальный мир без всякого объяснения. Чудовище еще больше пугает тем, что писатель не изображает монстра, автор представляет читателю лишь изуродованные останки тех, кому не повезло столкнуться с таинственным существом. Все, что слышал герой рассказа, это крик невидимого зверя, что скрывалось в диком овсе и отступало в ближайший лес. Очевидец констатирует: «Есть звуки, которых мы не слышим. На концах гаммы есть ноты, которые не задевают струн такого несовершенного инструмента, как человеческое ухо. Они слишком высоки или слишком низки. <...> То же самое происходит не только со звуком, но и с цветом. На обоих концах солнечного спектра химик может обнаружить то, что известно под именем актинических лучей. Это тоже цвета-лучи, неотделимо входящие в состав видимого света, которые мы не можем различить. Человеческий глаз несовершенный инструмент; его диапазон – всего несколько октав “хроматической гаммы”. Я не сошел с ума; есть цвета, которые мы не можем видеть. И да поможет мне бог! Проклятая тварь как раз такого цвета» [11, с. 269–270].

В конце XIX – начале XX в. в литературе возникает особая категория монстров – пришельцев из космоса. Человек открывает для себя новое пространство – космос, и это пространство он изучает и одновременно боится его. Долгое время *Homo sapiens* знал только линейное, вертикальное время. Новые открытия в области науки показывают, что существует множество измерений времени.

Искажение пространства и времени завораживает и пугает.

Интерес Г. Ф. Лавкрафта к астрономии в детском возрасте повлиял на становление его мировоззрения. Писатель был страстно увлечен бескрайними просторами космического пространства и миллионами звезд, о которых люди ничего не знали. Человек с его повседневными насущными проблемами больше не занимал художника слова, интересы Г. Ф. Лавкрафта «сконцентрировались на длительности исторического временного потока, на пугающей и одновременно завораживающей «ужасности» (основная дихотомия лавкрафтовской мысли) пространства и времени – и на ничтожном месте человека в них» [12, с. 269–270], – отмечал друг и биограф писателя Т. С. Джоши.

Лавкрафтовские чудовища неземного происхождения, космические божества обладают огромной силой, способной уничтожить все человечество. Эти создания часто обозначаются местоимением «оно», что подчеркивает их нечеловеческий характер. В оригинальном тексте рассказа «Дагон» писатель неоднократно определяет чудовище как «it» (оно), и, отождествляя его с неодушевленным предметом, подчеркивает степень нечеловечности чудовища.

Монстры Г. Ф. Лавкрафта пришли из космоса, из-за пределов известного человеку пространства. Чудовища писателя трудно представляемы, они совершенно чужеродны, как представлено, например, в рассказе «Шепоты во мраке», где они «своими размерами и формой даже отдаленно не напоминали человеческие тела. С другой стороны, свидетели считали, что эти предметы не были похожи ни на одно животное, обитающее на территории штата Вермонт. То были розоватые полутораметровые тела, покрытые какой-то коркой или панцирем; у каждого из них имелось несколько пар суставчатых конечностей, на спине красовалась пара широких плавников, сильно напоминавших перепончатые крылья, а там, где должна была находиться голова, наличествовало нечто изогнутое и яйцообразное, увенчанное множеством коротких антенн» [13, с. 278].

Появлению образов чудовищ в творчестве Г. Ф. Лавкрафта способствовала жизнь писателя в Нью-Йорке в 20-е гг. XX в. Выходец из пуританской Новой Англии, аристократ, джентльмен из Провиденса, будущий художник слова не смог найти свое место в этом бурлящем эмигрантами разного

происхождения городе. Нью-Йорк с его пестрой публикой стал для Г. Ф. Лавкрафта символом нового Вавилона. Из-за своей бедности писатель вынужден был жить в убогих эмигрантских кварталах. Мулаты, негры, азиаты вызывали в нем страх и ненависть. Он встречал их везде: в метро, на улицах, в парках. Г. Ф. Лавкрафт приходил в ужас оттого, что не мог конкурировать с ними на рынке труда, его утонченное аристократическое поведение не давало молодому человеку никаких преимуществ при устройстве на работу. В огромном городе цену имели только хитрость, изворотливость, грубая сила. Именно этим обусловлен часто встречающийся в творчестве Г. Ф. Лавкрафта мотив громадного города («Кошмар в Ред-Хуке»), улицы которого кишат отребьем и отвратительными уродами из самых страшных кошмаров. Эти отбросы общества справляли чудовищные языческие культы, вызывая к жизни силы, несущие разрушение и хаос.

Научные открытия Нового времени, в том числе и исследование бесконечного космического пространства поколебали основы христианского мировидения. Хотя лавкрафтовские существа и называются «богами», на самом деле они не имеют ничего общего с богами в традиционных религиях. «Боги» американского писателя устрашающи и абсолютно безразличны к человеческому роду. Человек, согласно мировоззрению Г. Ф. Лавкрафта, отвернулся от Бога, создал своих идолов, безжалостных и хладнокровных. Человечество осталось один на один с богом прогресса.

Таким образом, эволюция монструозной сущности, ее многообразные воплощения

в художественной литературе свидетельствуют об актуальности проблемы страхов человечества перед неизведанным, необъяснимым, непознанным чужим. Процессы глобализации, оказывающие огромное влияние на современную человеческую цивилизацию, с неизбежностью провоцируют нивелирование национального самосознания. Национальное самосознание в свою очередь предпринимает попытки отстоять собственные традиции и ценности, и эти процессы отчетливо проявляются в литературе и культуре, где постоянно идет их взаимодействие и взаимопроникновение, при этом очень важно, осваивая чужое, не растерять свое. Расширение мировоззренческой картины мира не ликвидировало оппозицию Свой – Чужой, а лишь выявило ее новые аспекты. Через столкновение с Другим – Чужим человек не только осознает свои место и роль в современном мире, но и постигает глубинные тайны внутреннего Я.

В проблеме Свой – Чужой актуализирован и нравственный аспект, поскольку затрагиваются гендерные, культурные, национальные, психологические различия. Значение феномена монструозного состоит в том, что он, обогащая, усложняет картину мироздания и не сводит ее к дихотомии человек / животное. Чудовища в литературе демонстрируют возможности человеческой психики справляться с конфликтами собственной экзистенции, определять уровень взаимоотношений между наукой и обществом, обнаруживать суть постоянно изменяющихся представлений о границах добра и зла в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Напцок, Б. Р.* Английский «Готический» роман: к вопросу об истории и поэтике жанра [Электронный ресурс] / Б. Р. Напцок // cyberleninka.ru – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-goticheskiy-roman-k-voprosu-ob-istorii-i-poetike-zhanra>. – Дата доступа: 09.03.2022.
2. *Cohen, J. J.* Monster Culture (Seven Theses) [Электронный ресурс] / J. J. Cohen // <https://americanhorrorstoriestsite.files.wordpress.com> – Режим доступа: <https://americanhorrorstoriestsite.files.wordpress.com/2017/08/jeffrey-jerome-cohen-monster-culture-seven-theses.pdf>. – Дата доступа: 09.03.2022.
3. *Ringel, F.* New England Gothic [Electronic resource] / F. Ringel // A companion to American Gothic / ed. C. L. Crow. – Chichester, 2014. – Mode of access: http://www.blackwell-reference.com/public/tocnode?id=g9780470671870_chunk_g978047067187011. – Date of access: 09.03.2022.

REFERENCES

1. *Napcok, B. R.* Anglijskij «Goticheskiy» roman: k voprosu ob istorii i poetike zhanra [Elektronnyj resurs] / B. R. Napcok // cyberleninka.ru – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-goticheskiy-roman-k-voprosu-ob-istorii-i-poetike-zhanra>. – Data dostupa: 09.03.2022.
2. *Cohen, J. J.* Monster Culture (Seven Theses) [Elektronnyj resurs] / J. J. Cohen // <https://americanhorrorstoriestsite.files.wordpress.com> – Rezhim dostupa: <https://americanhorrorstoriestsite.files.wordpress.com/2017/08/jeffrey-jerome-cohen-monster-culture-seven-theses.pdf>. – Data dostupa: 09.03.2022.
3. *Ringel, F.* New England Gothic [Electronic resource] / F. Ringel // A companion to American Gothic / ed. C. L. Crow. – Chichester, 2014. – Mode of access: http://www.blackwell-reference.com/public/tocnode?id=g9780470671870_chunk_g978047067187011. – Date of access: 09.03.2022.

4. *Goddu, T. Gothic America: narrative, history, and nation* / T. Goddu. – New York : Columbia Univ. Press, 1997. – 226 p.
5. *По, Э. А. Вильям Вильсон* / Э. А. По // Собр. соч. : в 4 т. – М., 1993. – Т. 2 : Проза. – С. 19–37.
6. *Готорн, Н. Алая буква* / Н. Готорн. – СПб.: Азбука классики, 2001. – 320 с.
7. *Солодовник, В. И. История литературы США: нравственный идеал через века* / В. И. Солодовник. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1997. – 207 с.
8. *Элиаде, М. История веры и религиозных идей. В 3 т.* / М. Элиаде. – М. : Критерион, 2002. – Т. 1: От каменного века до Элевсинских мистерий. – 464 с.
9. *Шапинская, Е. Н. Животное как Другой: репрезентация в культурных текстах [Электронный ресурс]* / Е. Н. Шапинская // www.culturalnet.ru – Режим доступа: <https://www.culturalnet.ru/main/person/596>. – Дата доступа: 09.03.2022.
10. *Бирс, А. Глаза пантеры* / А. Бирс // *Может ли это быть?* : избр. произведения : пер. с англ. / А. Бирс. – М., 1995. – С. 101–108.
11. *Бирс, А. Проклятая тварь* / А. Бирс // *Может ли это быть?* : избр. произведения : пер. с англ. / А. Бирс. – М., 1995. – С. 263–270.
12. *Фейг, К. У. Г. Ф. Лавкрафт: жизнь и творчество* / К. У. Фейг, С. Т. Джоши // *Лавкрафт, Г. Ф. Полное собрание сочинений* : в 2 т. / Г. Ф. Лавкрафт. – М., 1993. – Т. 2 : Лампа Аль-Хазреда. – С. 5–31.
13. *Лавкрафт, Г. Ф. Шепоты во мраке* / Г. Ф. Лавкрафт // *Локон медузы* / Г. Ф. Лавкрафт. – Тольятти ; Екатеринбург, 1993. – С. 276–355.
4. *Goddu, T. Gothic America: narrative, history, and nation* / T. Goddu. – New York : Columbia Univ. Press, 1997. – 226 p.
5. *Po, E. A. Vil'jam Vil'son* / E. A. Po // *Sobr. soch.* : v 4 t. – M., 1993. – T. 2 : Proza. – S. 19–37.
6. *Gotorn, N. Alaya bukva* / N. Gotorn. – SPb.: Azbuka klassiki, 2001. – 320 s.
7. *Solodovnik, V. I. Istoriya literatury SShA: npravstvennyj ideal cherez veka* / V. I. Solodovnik. – Krasnodar : Izd-vo Kuban. gos. un-ta, 1997. – 207 s.
8. *Eliade, M. Istoriya very i religioznyh idej. V 3 t.* / M. Eliade. – M. : Kriterion, 2002. – T. 1: Ot kamennogo veka do Elevsinских misterij. – 464 s.
9. *Shapinskaya, E. N. Zhivotnoe kak Drugoj: reprezentaciya v kul'turnyh tekstah [Elektronnyj resurs]* / E. N. Shapinskaya // www.culturalnet.ru – Rezhim dostupa: <https://www.culturalnet.ru/main/person/596>. – Data dostupa: 09.03.2022.
10. *Birs, A. Glaza pantery* / A. Birs // *Mozhet li eto byt'?* : izbr. proizvedeniya : per. s angl. / A. Birs. – M., 1995. – S. 101–108.
11. *Birs, A. Proklyataya tvar'* / A. Birs // *Mozhet li eto byt'?* : izbr. proizvedeniya : per. s angl. / A. Birs. – M., 1995. – S. 263–270.
12. *Fejg, K. U. G. F. Lavkraft: zhizn' i tvorchestvo* / K. U. Fejg, S. T. Dzhoshi // *Lavkraft, G. F. Polnoe sobranie sochine-nij* : v 2 t. / G. F. Lavkraft. – M., 1993. – T. 2 : Lampa Al'-Hazreda. – S. 5–31.
13. *Lavkraft, G. F. Shepoty vo mrake* / G. F. Lavkraft // *Lokon meduzy* / G. F. Lavkraft. – Tol'yatti ; Ekaterinburg, 1993. – S. 276–355.